

Е. П. ГЛУШАНИН

ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (к вопросу о генезисе фемного строя)

В последнее время в специальной литературе вновь оживилась дискуссия о генезисе фемного строя в раннефеодальной Византии¹. И вновь ее главной составной частью стал вопрос о происхождении стратиотских наделов. Окончательно, вслед за Ю. А. Кулаковским и И. Караяннопулосом, отвергнут старый тезис о создании их Ираклием. Характерной особенностью современного подхода к проблеме является то, что она решается на материале VII—IX вв.; к данным ранневизантийского периода практически не обращаются. Однако в качестве основных составных фемных ополчений признаются остатки ранневизантийской военной организации. Так, согласно Дж. Хэлдону, происхождение стратиотских наделов есть результат постоянного размещения византийских походных сил во время 650-х годов и позже². По мнению Р. Лилие, исходным моментом складывания солдатской собственности в фемах следует признать «длительное размещение ранних „пограничных армий“ на постоянных местах внутри имперских областей в VII в.»³.

Особенностью современных исследований является также и неприятие концепции И. Караяннопулоса, согласно которой фемный строй IX—X вв. есть прямое продолжение некоторых элементов военной организации ранней Византии. Тем не менее вне зависимости от того, как в данном случае решается вопрос о континуитете и дисконтинуитете, подход Дж. Хэлдона и Р. Лилие с их обращением только к одному из элементов ранневизантийской военной организации в качестве исходной формы фемного строя (соответственно походной или пограничной армии) выглядит более упрощенным, нежели у И. Караяннопулоса. Как известно, по его мнению, стратиотские наделы произошли «частью из земель *limitanei*, частью из земельных поместий, полученных из военной добычи, связанных частично с повинностью военной службы, и, наконец, из свободных земельных имений ветеранов и активных солдат государства, которые перешли к их наследникам, конечно, с обязанностью или, лучше сказать... тенденцией или правом военной службы»⁴. Таким образом, хотя И. Караяннопулос в качестве структурообразующих элементов стратиотских наделов рассматривает только «военные» земли, его исходная база явно шире, нежели у Дж. Хэлдона и Р. Лилие. И, кроме того, отказ от попыток пролонгирования военной организации ранней Византии выглядит у них в значительной мере априорным и неаргументированным.

¹ Haldon J. F. Recruitment and Conscription in byzantine Army c. 550—950: a Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979; Lilie R. Die zweihundert-jährige Reform: zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS. 1984. Vol. 45. S. 27—39; Pt. 2. S. 190—201.

² Haldon J. E. Op. cit. P. 79.

³ Lilie R. Op. cit. S. 201.

⁴ Karajannopoulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenorganisation. München, 1959. S. 88.

С другой стороны, И. Караяннопулосом исследование всех категорий солдатских земель велось без учета региональных особенностей, без выделения этапов их развития. Такой отвлеченный подход тем самым с неизбежностью порождал статическую картину военного землевладения IV—VI вв., являясь одновременно основой для всевозможных концепций континуитета. На наш взгляд, при изучении генезиса фемного строя представляется необходимым учитывать реальные результаты эволюции всех видов ранневизантийского солдатского землевладения, что и предполагает детальное изучение развития каждого из его элементов.

Под данным термином предлагается понимать категорию земель, переданных пограничной армии как государственному институту правительством и не подлежащих отчуждению и присвоению частными лицами. Такая оговорка не случайна, поскольку *limitanei* могли владеть землями и в частном порядке, а частное землевладение пограничников является темой отдельного исследования. Строгое разграничение обоих типов землевладения необходимо потому, что в историографии нередко смешиваются данные, касающиеся их. Это, в свою очередь, приводит к тому, что зачастую пограничная армия поздней Римской империи и ранней Византии рисуется как однородный организм, не подразделяющийся внутренне на какие либо социальные или военные категории. Именно такой подход породил в свое время тезис о том, что *limitanei* — аграризирующаяся пограничная милиция, которую правительство сознательно перевело на самоснабжение. Думается, что исследование военно-государственного землевладения поможет также выявить те социальные характеристики *limitanei*, на которые обычно меньше обращалось внимания.

Оставляя пока в стороне проблему генезиса военно-государственного землевладения, можно считать несомненным факт его существования в начале IV в.: нарративные источники свидетельствуют о нем уже при Диоклетиане (*Malal.* 308; *Ran. Lat.* IX. 18, 4; *Amm.* XXIII, 5, 2), несмотря на то что официальный термин зафиксирован только под 363 г. (*C. Th.* XII. 1, 56). Данные археологии подтверждают сообщение Аммиана об эшелонировании лимеса прежде всего в восточных провинциях⁵, где глубина его в некоторых местах достигала 70 км⁶. Сложная инфраструктура лимеса с неизбежностью порождала не менее сложные проблемы эффективности насыщения его войсками и их материального обеспечения. Д. ван Берхемом было высказано предположение, что на внешних лимесах размещались алы и когорты, на внутренних — пограничные легионы и кавалерия. При этом, исходя из того, что налоговые скидки у *alares et cohortales* ниже, чем у *legiones riparienses* (*C. Th.* VII. 20, 4), был сделан вывод, что солдаты ал и когорт в IV в. считались войсками второго разряда и именно из них организовывались военно-земледельческие общины⁷. Тем не менее в нашем распоряжении нет данных о том, что солдаты сами возделывали землю. Очевидно, приходится говорить только о коллективном владении ими землями, приписанными к их кастелам, которые обрабатывались, как, например, на Дунае, зависимым населением⁸.

По мнению А. Мочи, на Дунае землями солдат-колонов были *praedia* легионов и предназначались они в IV—V вв. для дедитициев⁹. Помимо приведенного А. Мочи материала надписей, это прослеживается и по терминологии SHA. Воины же пограничных, равно как и походных, сил получали аннону из государственных складов (*C. Th.* VII. 4, 1—17) и от посесоров (*C. Th.* XI, 1, 21).

⁵ *Gichon M.* The origin of the Limes Palaestinae and the major phases of its development // *Studien zu den Militärgrenzen Roms.* Köln; Graz, 1967; *Poidebard A.* La trace de Rome dans le désert de Syrie: Le limes de Trajan à la conquête arabe. P., 1934.

⁶ *Berchem D. van.* L'armée de Dioclétien et la réform constantinienne. P., 1952. P. 16.

⁷ *Ibid.* P. 17—21, *passim*.

⁸ *Móscy A.* Zu den prata legionis // *Studien zu den Militärgrenzen Roms.* S. 211—214.

⁹ *Ibid.* S. 214.

Согласно Фемистию, объехавшему с императором Валентом ряд мелких фрурий Дуная, у пограничников не было иных источников получения продовольствия, кроме государственных поставок и грабежа (Or. X. 136). Но совет Анонима IV в. провести сокращение военных расходов путем предоставления солдатам земельных наделов говорит о том, что политика государства в этом вопросе была диаметрально противоположной (*Anon. De reb. bell.* 5).

Любопытно отметить тот факт, что все законы, запрещавшие захват лимитанских полей, предназначены только для восточных и африканских провинций и обходят дунайские. Почему же в таком случае военные земли постоянно, судя по данным законодательства со второй половины IV в. и до середины VI в., приватизировались на Востоке, а не на Дунае? Очевидно, ссылки на то, что дунайская граница была более опасной, нежели восточная, несостоятельны: персы были не менее грозным врагом, чем германцы. Думается, что до известной степени это объясняется разницей в происхождении и реальной эволюции этой категории земель в дунайских и восточных провинциях, равно как и разрядов населения, обрабатывающих их. Согласно А. Мочи, со времени Септимия Севера в институте *territoria militaria* произошли важные изменения; прекращается дарование статуса муниципиев канабам, и виканам этих земель облагаются новым налогом — *annona militaris* в пользу легиона провинции¹⁰. *Praedia legionum* предназначались и для дедитициев, которые и представляли собой тип солдат-колонов.

Такая же ситуация прослеживается и в африканских провинциях: «...пространства земель, которые были дарованы человеческой заботливостью древним племенам (*gentilibus*) ради надзора и укрепления лимеса. . .» (С. Th. VII, 15, 1). И в начале V в. равенский двор предоставлял их в первую очередь *gentilibus* либо, по крайней мере, за заслуги ветеранам с обязанностью охранять лимес (*Ibid.* С. Th. XI, 30, 62). По Августину можно даже проследить их организацию: «Ведь у нас, т. е. в Африке, есть бесчисленные варварские племена. . . которые приводятся оттуда пленными и здесь смешиваются с римскими рабами. . . Прошло, однако, немного лет, с тех пор как некоторые из них, редчайшие и немногочисленнейшие, которые мирно соседствуют с римскими пределами, так что не имеют своих парей, но над ними Римской империей устанавливаются префекты. . .» (*Aug. Ep.* 199, 46). Очевидно, такое положение сохранялось до вандальского завоевания, означавшего конец римского лимеса в Африке.

В связи с этим вполне закономерен вопрос о том, не пытался ли Юстиниан копировать в африканских провинциях опыт восточного или балканского пограничья? Приведенные выше данные о военном землевладении на дунайской и африканской границах IV—начала V в. в значительной мере отличаются от соответствующих разделов программы провинциального обустройства отвоеванных у вандалов областей, представленной в знаменитом законе 534 г.: «. . . поскольку кажется нам необходимым, чтобы, кроме воинов *comitatenses*, по лагерям устанавливались воины *limitanei*, которые могли бы и лагеря и города лимеса оборонять и земли возделывать, чтобы, видя их, другие провинциалы по частям сходились в те места» (*Cod. Just.* I, 27, 2, 8). Любопытно, что дальше в законе (на это исследователи обычно не обращали внимания) звучит боязнь повторения в отвоеванной Африке негативной практики, имевшей место в восточных провинциях до 533 г. Выражая надежду на то, что лимитаны смогут решать задачи обороны их участков границы без помощи походных сил, Юстиниан подчеркивает: «. . . чтобы никакого ущерба не потерпели упомянутые лимитаны от дуксов или их чиновников (*ducianis*), и чтобы они не присвоили себе что-либо обычное из их жалования обманом для своей пользы» (*Ibid.*).

Речь, вне сомнения, идет о злоупотреблениях при обязательном отчислении 1/12 части государственной анноны лимитанов для содержания канцелярий дуксов, установленном в V в. (*Nov. Theod.* XXIV. 2). При-

¹⁰ Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. L.; Boston, 1974. P. 218—219.

своение солдатских аннон канцеляристами дуксов засвидетельствовано и при Анастасии в Пентаполе (SEC. IX. 356). Важно, однако, другое: пограничники ранней Византии и в 534 г. находились на государственном обеспечении и земледелием сами на занимались, а слова Юстиниана о том, что они могли бы обрабатывать землю, оставались пожеланием правительства в условиях нехватки гражданского или другого населения, на которое можно было бы возложить эту повинность. Несомненно, что и в восточных провинциях они этого не делали. Из сообщения Прокопия о том, что Юстиниан, задолжав пограничникам, отнял у них и само звание воинов, неизбежен вывод о неразрывной связи их только с анноной, но не с землей (*Procop.* Н. а. 24).

Кого же тогда имеют в виду законы IV—VI вв., говоря о «лимитанских полях»? Прежде всего, бросается в глаза их немногочисленность¹¹ по сравнению, например, с рескриптами о порядке взимания военной анноны (С. Th. VII, 4. 1—36). Сознывая всю условность подобной «статистики», тем не менее нельзя не отметить, что правительство, видимо, интересовалось судьбой этих земель только от случая к случаю. Содержание всех этих упоминаний практически одинаково — запрещение владеть наделами любым лицам, кроме тех, кому они были дарованы еще в древности. Законы показывают, что эти земли тянулись в V в. вдоль всей восточной границы (*per tractum Orientis*. — *Nov. Theod.* V, 2, 1), но развал военно-земледельческих общин локализуется в Месопотамии и Осроэне (*Cod. Just.* XI, 62, 8), в Армении, близ городов Сатала и Феодосиополя (*Nov. Theod.* V. 3).

А. Джонс комментирует законы, касающиеся восточного пограничья, как результат проведенной там реформы *limitanei*. По его мнению, «практика дарования наделов ветеранам, очевидно, была упразднена в конце IV в.; в последний раз она упоминается в законах Валентианина I. Ветерану *limitanei* могли позволить в качестве компенсации обрабатывать территории, принадлежащие легионам и, возможно, другим укреплениям. Среди *limitanei*, видимо, стало нормальным для сыновей записываться в подразделения своих отцов, и часто случалось, сын вынужден был наследовать надел своего отца, до того как тот достиг возраста отставки. На практике же некоторые *limitanei* должны были обрабатывать землю на действительной службе»¹².

Однако далее А. Джонс колеблется в собственной гипотезе: «Большинство, тем не менее все еще зависели от своего жалованья»¹³. На наш взгляд, в его гипотезе смешиваются разные типы землевладения — государственное и частное. Первые и на Востоке правительство старалось предоставить варварам. А коль скоро на византийско-персидской границе не было широкой прослойки свободных варварских племен, не втянутых в орбиту влияния той или другой державы, то этой нехваткой людского материала и объясняется, очевидно, постоянная нестабильность военно-земледельческих общин. Наконец, статус дедитициев не мог защитить от злоупотреблений провинциальных властей и захватов земель римскими посессорами. Если же принять концепцию Д. ван Берхема о том, что солдатами-колонами были *alares et cohortales*, то становится непонятным, каким образом при нормальном функционировании системы рекрутирования пограничной армии могли захватываться земли римских граждан, находящихся на государственной службе. Усердие солдат на этой службе всячески стимулировалось на протяжении всего IV в.: если в 325 г. ауксилиарии получали налоговые иммунитеты после зачисления в часть (С. Th. VII. 20, 4), то в 370 г. — после пяти лет службы (С. Th. VII. 13, 6); после почетной отставки они освобождались от всех гражданских повинностей (С. Th. VIII. 4. 1).

¹¹ Основные: С. Th. VII. 15, 2; *Cod. Just.* XI. 60, 2; 62, 8; *Nov. Theod.* XXIV, 4; IV.4; V.2, 3.

¹² Jones A. H. M. *The Later Roman Empire (284—602): a Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 654.

¹³ Ibid.

Переходя к рассмотрению ситуации под Саталой, следует вспомнить, что в ней, согласно *Notitia*, располагался пограничный легион XV *Apolinaris* (Or. XXVIII. 13), т. е. регулярная часть *limitanei*. Возникает вопрос, кто же обрабатывал поля лимитанов в окрестностях города. Сатала, кроме того, довольно далеко отстояла от границы первой половины V в., а, следовательно, *fundi limitotrophi* могли лежать и глубоко в тылу. Для того чтобы ответить на этот вопрос, видимо, необходимо сравнить ситуацию под Саталой с положением дел на близлежащих пограничных военных землях. Так, в Феодосиополе были расквартированы *equites promoti Illyriciani* (Or. XXXVI. 20) и, видимо, там земли предназначались под пастбища и сенокосы для их лошадей. Определенное сравнение напрашивается с рядом законов, запрещающих использование частных и общественных пастбищ провинциалов для *animalia militum* (C. Th. VII. 7, 3—5). Хотя в данном случае речь явно идет о походной армии (в законе упоминаются земли Апамеи и Антиохии), тем не менее очевидно, что кавалерия *comitatenses* имела собственные пастбища и государство предписывало использование только их. На границе же, наоборот, военные пастбища были более обширны.

Вот как, например, в IV — начале V в. выглядела ситуация в Месопотамии и Осроэне, там где законодательство локализует приватизацию земель, приписанных к лимесу. Под командованием дукса Месопотамии было 13 кавалерийских и 4 пехотные части (ND. Or. XXXV. 19—36). В гарнизоне соседней Армении числились 13 пехотных и 5 кавалерийских подразделений (Or. XXVIII. 11—38). К югу от дукатов Месопотамии и Осроэны соотношение конных и пехотных частей, за исключением Палестины (18 : 12 — Or. XXXIV. 18—48), почти повсюду составляет 2 : 1: Сирия — 12 : 6 (Or. XXXIII. 16—35), Финикия — 19 : 7 (Or. XXXII. 18—44), Аравия — 14 : 7 (Or. XXXVII. 14—35). Наибольшая насыщенность пограничья кавалерией в дукатах Месопотамии и Осроэны обуславливалась тем, что именно там персы постоянно атаковали империю. В этом плане достаточно сослаться на специальную миссию Ногодареса, посланного царем с целью постоянно тревожить границу Месопотамии (*Amm.* XIV. 3, 1).

Из всего этого можно сделать вывод о том, что земли на этом участке лимеса явно были предназначены для лошадей пограничной кавалерии. В законе нет и намек на их возделывание: «Все патримониальные земли в провинциях Месопотамии и Осроэны, объявленные. . . в прошлом закрепленными за лимесом. . . восстанавливаются в их прежнем состоянии» (*Cod. Just.* XI. 62, 8). Нестабильность военных территорий здесь объясняется, на наш взгляд, перманентными войнами и конфликтами, которые длились до смерти Шапура II. Очевидец событий Аммиан в конце IV в. писал: «. . . свирепейшее племя в течение шестидесяти лет доставляло Востоку жесточайшие раны убийствами и грабежом, в то время как наши войска часто бывали разгромлены до истребления» (*Amm.* XXII. 12, 1).

Не случайно поэтому закон об упорядочении дел с военными территориями в Месопотамии и Осроэне (386 г.) последовал после заключения мира с персами в 384 г. Думается, что по этим же причинам он перешел и в Кодекс Юстиниана: в 529 г. был заключен так называемый «Вечный» мир, в 534 г. появилась окончательная редакция кодекса. Таким образом, с известной долей осторожности можно считать, что военные территории на месопотамско-осроэнском пограничье в течение всего ранневизантийского периода в значительной степени использовались в качестве пастбищ пограничной кавалерии и вряд ли там приватизировались.

Ситуация в Сатале, очевидно, была в значительной мере иной: сам ее гарнизон, согласно позднеантичным принципам военного строительства, не мог возделывать государственные *fundi limitotrophi*. Коль скоро, судя по адресатам законов, эти земли находились в ведении гражданских чиновников (префекта претория или магистра оффиций), то это до известной степени исключало возможность их захвата войнами. Частное солдатское землевладение, разумеется, существовало, особенно после реформ Севе-

ров¹⁴, и государство даже стимулировало его налоговыми иммунитетами, но с начала V в. даже ветеранское землевладение становится им в жесткие рамки. Захваченные ветеранами пустующие земли подлежали налогообложению (С. Th. XI. 1, 28).

Запрет частным лицам обрабатывать государственные *fundi limitotrophī* оставляет, таким образом, лишь возможность предположить, что они предназначались варварам-дедитициям. Следует отметить, что прецеденты такого рода существовали, причем в недавнем прошлом. Так, разграбленные в 386 г. остготы-гравтунги были расселены во Фригии и позже восстали под предводительством Трибигильда (*Zos.* IV. 34; 38; V, 13, 2). Об уготованной им государством судьбе достаточно отчетливо свидетельствует в 389 г. Пакат: «Неужели же я не скажу, что захваченные для рабства готы предоставили лагерям твоим воина, пахаря — землям» (*Pan. Lat.* XII. 22, 3).

Думается, что *castellani milites* закона 423 г. (С. Th. VII. 15, 2) и были в основном теми варварами, состав которых в конце IV—начале V в. постоянно пополнялся. Например, захваченных в плен скиров в 409 г. правительство предписывало переводить в заморские провинции (С. Th. V. 6, 3). В 399 г. варварам приказано занимать только те земли, которые укажет империя (С. Th. XIII. 11, 10). На протяжении всего IV в. традиционной для империи практикой был перевод варваров, приобретенных тем или иным путем, с дунайской границы в отдаленные провинции, например Британию, Египет¹⁵.

Очевидно, в числе основных повинностей дедитициев под Саталой была не только обработка земель, но и транспортировка анноны войскам лимеса, поскольку государство в 441 г. разрешало приватизацию этих территорий именно на таких условиях. Империя пошла на эти уступки в условиях дефицита варварской рабочей силы в первой половине V в. Он сложился, на наш взгляд, вследствие следующих обстоятельств. Во-первых, видимо, внутреннее воспроизводство у расселенных в рассматриваемом районе дедитициев было незначительным из-за запретов браков между варварами и провинциалами (С. Th. III, 14, 1). Это весьма существенно, если учесть, что захват пленных и порабощение их государством производилось почти исключительно в ходе грабительских рейдов варваров конца IV—начала V в., т. е. это были в основном мужчины. Во-вторых, после создания гуннского союза на Дунае возможности таких захватов для империи резко снизились.

Не случайно поэтому в Кодекс Юстиниана этот закон не перешел, как отразивший только конкретную локальную ситуацию 40-х годов V в. Наконец, после разрешения правительства присваивать частным лицам государственные *fundi limitotrophī* на условиях выполнения извозчицкой повинности (*Nov. Theod.* V. 3) эти земли окончательно выпадали из сферы военного землевладения и сосредоточивались в руках частных лиц. Так, например, к выполнению одной из транспортных повинностей поздней античности — *pastus* — государство привлекало богатых людей¹⁶. Под Саталой с середины V в. меняется не только категория населения, обязанная за владение землей снабжать армию продовольствием, но и намечается тенденция к исчезновению там военно-государственного землевладения.

Южнее Керкусия, в местностях, где пролегал отстроенный Диоклетианом лимес, на передовой линии обороны археологически засвидетельствовано существование в ранневизантийскую эпоху укрепленных поселений, расположенных поодиночке или группами. На их территории обнаружены цистерны и каналы, что позволило видеть в этих поселениях

¹⁴ Dig. 49, 16, 13; Cod. Just. II. 50, 1—3; 52, 1—3.

¹⁵ Подробнее см.: Глушанин Е. П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в.: (варварский вопрос) // АДСВ: Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 32—42.

¹⁶ Mócsy A. Das Lustrum Primipili und die Annona Militaris // Germania. 1966. Jg. 44. Hbd. 2. S. 318.

общины лимитанов, которые и обороняли лимес и занимались земледелием¹⁷. Однако ни один закон со сходным с рассмотренным выше содержанием не адресован конкретно палестинскому пограничью; и вообще ни один письменный источник прямо не засвидетельствовал там развал военно-государственного землевладения вследствие присвоения территорий частными лицами.

О проблемах снабжения именно палестинских лимитанов впервые говорит закон 409 г. Под угрозой штрафа в сто фунтов золота правительство заставляет пограничников Палестины принимать от провинциалов только адерированную аннону, но не натуральную (С. Th. VII. 4, 30). В рескрипте утверждается, что такое правило введено для пользы посессоров и лимитанов трех палестинских провинций. Очевидно, это новшество было недавним, о чем свидетельствует не только нежелание дукаса принять его, но и закон 406 г., из которого явствует, что на Востоке тогда *numeri*, и *familiae* (о них см. ниже), и обозники (*impedimenta*) получали аннону обоих типов (С. Th. VII. 4, 28). На наш взгляд, адерируя военную аннону в данном конкретном случае, государство прежде всего избавляло посессоров от нелегкой в условиях пустынных районов Палестины повинности перевозки продуктов гарнизонам лимеса¹⁸. В законе от 30 ноября 409 г. наряду с регулированием норм отчетности о снабжении войск адерированной анноной об этом новшестве говорится как о твердо установившейся практике: «Мы установили твердые, а также различные цены для местечек и походных отрядов (*locis et numero*), заботясь для пользы воинов об адерированных аннонах, которые обычно предоставляются фамилиям на Востоке или в Египте» (С. Th. VII. 4, 34).

Каким же образом тогда пограничники снабжались собственно продовольствием? Один из вероятных вариантов — закупка провианта на рынках городов и транспортировка его собственными силами по местам дислокации. В этом случае государство делало армию (и не только пограничную) одним из рычагов поддержания полисной экономики и одновременно пополнения имперской казны. Не исключено, что для этих целей привлекались ветераны, ибо стимулируемая правительственными льготами часть из них представляла собой мелких торговцев, «в руках которых сосредоточивалась иногда торговля между городом и деревней»¹⁹. Следует, однако, сразу отметить, что пограничники постоянно стремились вернуться к прежнему положению дел в снабжении: закон 409 г., запрещавший пограничникам Палестины вымогать у посессоров натуральную аннону, Юстиниан поместил в свой кодекс (Cod. Just. XII, 37, 13). Актуальность его в VI в. несомненна на фоне упадка мелкого провинциального полиса²⁰.

Другим вариантом могло быть только самоснабжение гарнизонов на местах, реализовывавшееся в разных формах. Для их анализа необходимо сначала установить конкретные параметры исторической реалии, скрывающейся за термином «*familia*». Вот как применительно к данному закону комментирует его К. Фарр: «*Familiae* обычно интерпретировались как подразделения новых рекрутов, но могут относиться к продовольственным пайкам для солдатских семей»²¹. Или же: «Слово „*familia*“ обозначает замкнутую группу и имеет несколько значений. Оно, как правило, шире, чем английское слово семья, и означает домашнее хозяйство, вклю-

¹⁷ Gichon M. Op. cit. P. 175—193; Bowersock G. W. Limes Arabicus // Harvard Studies in Classical Philology. 1976. Vol. 80. P. 219—229.

¹⁸ Общие принципы современного подхода к проблеме адерации с точки зрения государственного интереса см.: Noethlichs K. L. Spätantike Wirtschafts-politik und Adaeratio // Historia. 1985. Bd. 34. S. 102—116.

¹⁹ Лебедева Н. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах: По данным кодексов Феодосия и Юстиниана // ВО. 1977. С. 154.

²⁰ Подробнее см.: Курбатова Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города VI—VII вв. Л., 1971.

²¹ The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / Trans., comment., glossary and bibliogr. C. Pharr. Princeton, 1952. P. 160, N 40.

чая всех членов семьи, рабов и прочую домашнюю собственность. Оно может также обозначать замкнутую группу новых рекрутов, которая, вероятно, здесь подразумевается. Оно может также обозначать замкнутую группу работников или ремесленников, составляющих организацию. Другие группы лиц могут быть обозначены этим термином»²².

На наш взгляд, под *familia* на Востоке следует понимать гарнизоны кастелов с их хозяйством и зависимыми категориями населения. Гарнизоны сообща владели этим населением, которое, очевидно, обрабатывало землю кастелов и снабжало лимитанов продовольствием, что одновременно не исключает приобретения последними части продуктов на адерированную аннону в городах. Определенный аналог прослеживается в дунайских провинциях уже в III в. (CIL. III. dipl. XL)²³. По мнению О. Зеека, *iquilini castrorum* III в. идентичны *burgarii*, упомянутым в законе 398 г.²⁴ Последние имели семьи и некоторое имущество, однако могли быть захвачены (*receptare*), скорее всего, посессорами (C. Th. VII. 14, 1) и, следовательно, вряд ли были римскими гражданами. Из этого же закона видно, что бургарии жили и вели хозяйство отдельно от лимитанов.

Закон 400 г. довольно отчетливо показывает, что в бургах население четко распадалось на несущее государственную службу и зависимое, в их числе было, видимо, и внутриимперское по происхождению: «Того, кто прослужил без перерыва в течение тридцати лет курии или коллегии или бургам и прочим корпорациям, пусть оставит в покое императорский домен либо частная заботливость, если попытается поднять вопрос о колонатном или инквилинском состоянии: но пусть остается в курии или в корпорации, в которой служит» (Cod. Just. XI. 66, 6). В связи с этим представляется совершенно справедливой схема Р. Гроссе: собственно лимитаны занимали крупные кастелы; в мелких, соподчиненных им бургах проживало зависимое население²⁵. Данные (C. Th. VII. 4, 30) не дают возможности проследить эту схему в Палестине, но вполне возможно, что зависимая часть фамилий — лица, сходного с бургариями и лэтами статуса — обитала на археологически зафиксированных передовых укреплениях пограничья.

Вопрос о том, из кого они складывались, также можно решить лишь приблизительно и по аналогии. Прежде всего, вероятно, там государство, так же как и в других областях, расселяло военнопленных варваров. Основной их поток, видимо, хлынул туда в годы строительства и обустройства диоклетиановой страты, когда империя вела большое количество победоносных войн, несомненно сопровождавшихся захватами масс пленных. Подтверждением этого тезиса могут служить победные титулы Диоклетиана: *Germanicus maximus VI*; *Sarmaticus max. IV*; *Persicus max. II* etc.²⁶

Очевидно, время от времени на протяжении всего IV в. варварами по-полняли кастелы границ: например, в 376 г. готы были распределены на Востоке *per carias civitates et castra* (Amm. XXXI. 16, 8). Однако, видимо, постоянного притока не было и наблюдалась устойчивая тенденция к его сокращению. Во всяком случае, о частых массовых перемещениях варваров на Восток в IV в. источники не упоминают. Не случайно поэтому палестинские лимитаны, которые сами земледелием не занимались, резко противились адерации анноны в условиях недостатка рабочих рук в кастелах²⁷. Последний обусловливался в значительной степени также и характером варварской периферии Палестины и Финикии, где обитали кочевые племена. Свои взаимоотношения с ними империя строила только

²² Ibid. P. 162. • N 68.

²³ Seeck O. Castellani milites // RE. 1899. Bd. 3. Sp. 1754.

²⁴ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. B., 1897. Bd. 1. S. 588.

²⁵ Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 67.

²⁶ Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. L., 1982. P. 254.

²⁷ Очевидно, закон 423 г. (C. Th. VII. 15, 2 = Cod. Just. XI, 60, 2) в равной степени относится и к палестинскому пограничью.

на федератской основе (*Nov. Theod.* XXIV. 2; *Amm.* XXV. 6, 10; *Soz.* VI. 38), поскольку из кочевников создать сколько-нибудь ощутимую прослойку лэтов вряд ли было возможно. Уже отмеченное сокращение возможностей получения военнопленных на Дунае дополнялось также тем обстоятельством, что определенная часть захваченных варваров оседала в хозяйствах дунайских пограничников (*C. Th.* V. 6, 2).

Все эти факторы сказались на реальной эволюции военно-государственного землевладения в Палестине и Финикии. Несмотря на то что лимитаны этих местностей упоминаются в Юстиниановых Новеллах (впрочем, без каких-либо сведений об организации их снабжения — *Nov. Just.* 103, 3), земли, которые в IV в. обрабатывались варварами и отчасти беглыми колоннами, лежали в запустении. Достаточно вспомнить хрестоматийный спор о заброшенной страте Диоклетиана между Арефой и Аламундаром, близ которой в их время арабы пасли скот (*Procop.* В. Р. II, I, 5—8).

В VI в. варвары на службе империи пополняли по преимуществу ряды стратиотов и федератов, что с неизбежностью приводило к дальнейшему ослаблению военно-государственного землевладения и перестройке структуры пограничной обороны. Так, по мнению В. Либешютца, уже в первой половине VI в. в Сирии невозможно проследить эшелонированный лимес; главными опорными пунктами обороны стали города²⁸.

Слабость пограничной армии в VI в. заставляла все чаще перекладывать ее функции на походные силы: «Большое число подразделений *comitatenses* все же в это время более или менее постоянно были размещены гарнизонами в городах империи, особенно в пограничных провинциях в качестве поддержки лимитанов. Возможно, практика началась с подразделений региональных походных армий, но закон Анастасия показывает, что в его время части не только восточной, но и презентальной армии были под командованием *duces* восточного лимеса и, очевидно, постоянно располагались в их провинциях»²⁹.

Наиболее яркой иллюстрацией данного тезиса, на наш взгляд, является следующий отрывок из Малалы: Юстиниан... «*πόλιν τῆς Φοινίκης εἰς τὸ λίμιτον τὴν λεγομένην Παλμύραν... κελεύσας καὶ ἀριθμὸν στρατιωτῶν μετὰ τῶν λιμιτανέων καθέζεσθαι*». (*Malal.* 426). Нельзя ли видеть в этом пассаже также модель обеспечения войсками укреплений в начальной фазе юстинианова восстановительного строительства? Во всяком случае, источники VI в., помимо рассмотренных законов из Кодекса Юстиниана, не содержат вообще никаких данных о веримских контингентах по охране границ. В этом плане показателен совет Анонима VI в., несомненно отражавший практику юстиниановской эпохи: в пограничных *фруриях* гарнизоны должны сменяться часто, а семьи воинов проживать в других местах (*Anon.* IX. 4). Речь в данном случае (при упоминании солдатских браков) идет, без сомнения, о римских воинах; частая смена гарнизонов говорит не только о нехватке сил для постоянной охраны *фрурий*, но и о том, что буферной лэтской прослойки уже не существовало.

Интересно отметить, что новеллы Феодосия II, запрещавшей перевод подразделений пограничной армии в разряд походных сил (*Nov. Theod.* IV), в кодексе Юстиниана нет. И если учесть, что между ней, эдиктом Анастасия о Пентаполе и упомянутым отрывком Малалы прошло чуть больше полувека, то следует признать, что именно во второй половине V в. начинается крутой перелом в практике обеспечения границ войсками: от оттягивания лимитанов для походных целей к длительному постоянному размещению комитатов в приграничных провинциях³⁰. Очевидно, воз-

²⁸ Liebeschuetz W. The Defenaea of Syria in the Sixth Century // *Studien zu den Militärgrenzen Roms*. Köln; Bonn, 1977. Т. 2. Р. 487—499. В VI в. и вплоть до арабского завоевания, по данным археологии, юг Палестины был без защиты; ряд крепостей лежали в руинах (Газа, Нессана, Обода), другие превратились в постоянные дворы. См.: Sartre M. La frontier de l'Arabie romaine // *La géographie administrative et politique d'Alexandre à Mahomet*. Leyde, 1981. Р. 90, N 47.

²⁹ Jones A. H. M. Op. cit. P. 660.

³⁰ При Анастасии засвидетельствована только такая практика: император не позволяет без специального разрешения перемещать «*milites de locis, in quibus consti-*

мощности империи захватывать и перемещать на дальние границы варваров именно в это время реально были близки к нулю. В этой связи достаточно вспомнить постоянные ультиматумы Атилы о возвращении пленных и перебежчиков (*Prisk. fr.* 5; 8). Сложные взаимоотношения Византии и остготов в 60—80-х годах V в. заканчивались в лучшем случае федератским статусом для последних ³¹.

Все это не могло не сказаться на состоянии военно-государственного землевладения на Востоке, тенденция которого к исчезновению приобрела в это время угрожающий характер. Недаром именно во второй половине V в. резко возрастает объем частного предпринимательства солдат, на что правительство сочло необходимым обратить особое внимание (*Cod. Just.* XII. 35, 15). Наконец, оголение границ приобрело такие масштабы, что это явление стало возможным использовать в качестве одного из сильнейших аргументов в идейной борьбе, как показывает пример Зосима (*Zos. II.* 32—34), сочинившего свою «Новую историю» на рубеже V—VI вв.

Империя была вынуждена искать действенное средство, способное возместить понесенные потери. Оно неизбежно должно было стать внутриимперским по своему характеру. Думается, что во второй половине V в. Византия опробовала два таких средства: исавров и так называемые цирковые партии. Второе оказалось более эффективным, поскольку основывалось на старых традициях привлечения к обороне городов плебейской верхушки ³². Так, по мнению М. Я. Сюзюмова, «активизация цирковых партий в 40-х годах V в. тесно связана с повышением значения городского населения в организации обороны от возможного нашествия гуннов» ³³.

Значение цирковых партий на Востоке возросло при Анастасии, при котором, очевидно, и была начата практика обеспечения границ походными войсками. Для нас, однако, важно другое: если своими действиями Анастасий признал невозможным регенерацию пограничных латских земель, то насколько юстиниановские законы о *fundi limitotrophī* соответствовали реальной действительности? Поскольку в основном они рассматривают лишь общие казусы и практически не занимаются урегулированием каких-то конкретных проблем пограничных войск, а также то обстоятельство, что ни один из источников не упоминает в связи с юстиниановским строительством реставрации военно-государственного землевладения, представляется возможным говорить об их по преимуществу декларативном характере. Очевидно, эта «риторика» была закономерным продуктом своего времени, когда «военная организация юстиниановской эпохи, направленная на осуществление реставрационных замыслов правительства, сама являлась продуктом реставрации. Она базировалась на старых, переживших свое время социальных и материально-технических основах и вдохновлялась идеями многовековой давности» ³⁴.

И тот факт, что термины *fundi limitotrophī*, *agri limitanei* не засвидетельствованы в дунайских провинциях, позволяет решить проблему исторической роли военно-государственного землевладения в позднеантичную эпоху. На наш взгляд, оно являлось одним из элементов позднеантичной модификации буферного пояса, складывавшегося в республиканский и раннеимператорский периоды из приграничных клиентских государств и

tunt, ad alia loca» (*Col. Just. I.* 29, 4), т. е. речь идет о запрете передислокации лимитанов по фронту самого лимеса, что, в свою очередь, говорит о постоянно снижающейся численности личного состава в пограничных подразделениях.

³¹ Подробнее см.: Козлов А. С. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. // АДСВ. 1973. Сб. 9. С. 114—121.

³² Дьяконов А. П. Византийские димы и факции в V—VII вв. // ВС. 1945. С. 144—227; Курбатова Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. 1974. Вып. 1. С. 47—60; Gerov B. Zur Verteidigung der Städte im Balkanraum während der Nordvölkerinvasionen vom 2. bis 4. Jh. // Klio. 1973. Bd. 55. S. 285—288.

³³ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в. // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 194.

³⁴ Кучма В. В. Византийский Аноним VI в.: Основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. Т. 41. С. 90.

племен. В самом деле, резко изменившаяся со времени Маркоманнских войн внешнеполитическая ситуация заставила империю пересмотреть принципы этой превентивной обороны. Империя нуждалась в надежном, жестком контроле над своими передовыми позициями, а на прежней основе он был уже мало возможен в условиях неповиновения приграничных клиентов.

Логика развития событий подсказывала новый путь: захват варваров и расселение их в качестве государственных колоннов на границах под римским командованием; в этом случае всякая их самостоятельность, безусловно, исключалась. Кроме того, финансовая сторона политики по отношению к клиентам все более и более становилась обременительной для римлян с начала III в. Так, Дион Кассий под 217 г. отметил, что расходы на федератов достигли размера жалования всей римской армии и очень обременительны для государственной казны (*Dio Cass.* 79, 17, 3). Кризис внешней политики дополнялся кризисом военным и финансовым. И империя изыскивала способы их предотвращения: Марк Аврелий для военных нужд распродал фамильные драгоценности (*SHA. Marc.* 17, 4—5; *Eutrop.* VIII, 13, 2); Септимий Север повышал налоги (*Dio Cass.* 77, 9, 5). Каракалла своим знаменитым эдиктом 212 г. обложил многими податями все население империи (*Dio Cass.* 77, 9, 5)³⁵.

Средство снижения расходов на федератов правительство видело в усилении эффективности лимеса, усложнение инфраструктуры которого потребовало дополнительных людских ресурсов. Побежденные варвары с начала III в. в гораздо более широких масштабах расселяются на границах; во второй половине III в. колонизационный поток достиг апогея³⁶, в Галлии сложились *terrae laeticae*. На Востоке Септимий Север упразднил власть мелких династов (*Aur. Vict. Caes.* 20, 14—17; *Eutrop.* VIII, 18), и у империи практически не было буфера на парфянской границе.

Создание сасанидского государства и тяжелые войны с Ираном 30—60-х годов III в. заставили вновь искать средство смягчения иранских ударов. Видимо, политика Галлиена в отношении Пальмиры может считаться попыткой частичной регенерации буферного пояса. Разрушение Пальмиры подготавливало широкую дислокацию при тетрархии на восточной границе варваров, обязанных содержать себя и оборонять подступы к империи. Возможности нормального функционирования и поддержания на должном уровне этой системы в дунайских провинциях были явно выше в IV в., нежели в восточных. Постоянный контакт с варварским миром давал возможность как массовых расселений, так и обеспечения рабской силой отдельных кастелов³⁷. Следовательно, в дунайских провинциях этот процесс был более традиционен и не нуждался в специальном законодательном оформлении и новых правовых терминах. На Востоке, где *territoria militaria* не засвидетельствованы в эпоху принципата³⁸ и кризис оборонной системы был более глубоким, потребовалось специальное учреждение военно-государственного землевладения (*Malal.* 308) и его юридическое оформление. Меньшие возможности для его нормального функционирования заставили государство уделять ему на Востоке больше внимания.

Постепенно с первой половины V в. альтернативой лэтам границ в оборонной политике Византии становится институт внутриимперских федератов нового типа. После его создания в 382 г.³⁹, очевидно, с одной стороны уменьшились возможности массовых расселений, с другой — воз-

³⁵ Об оценке финансовых аспектов эдикта Каракаллы в историографии см.: *Oliva P. Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire. Pr.*, 1962. P. 95.

³⁶ *SHA. Claud.* 8, 6; *Aur.* 18, 2; 30, 4—5; *Prob.* 14, 1—2; 15.2—6; 16, 2; 18, 1; *Aur. Vict. Caes.* 39, 43.

³⁷ *C. Th.* V, 6, 2, 3; *Amm.* XXVIII, 1—5; *Cons. Const.* a. 334; *Amm.* XVII.13, 3; 19, 11; XXI.4, 4; *Euseb. Vita Const.* IV.6; *Eutrop.* IX. 25 etc.

³⁸ *Móscy A. Zu den prata.* . . S. 214.

³⁹ Об условиях договора 382 г. подробнее см.: *Wolfram H. Geschichte der Gothen. München*, 1979. S. 156—157.

росли расходы империи на оборону границ. Недаром курiales Синезий резко настроен против готов-федератов, принятых Феодосием, и высказывается за прежние, доадрианопольские, нормы службы варваров на границах: «Пусть они или в зависимом состоянии обрабатывают землю. . . или бегут тем же путем, каким пришли» (О царстве, 24). С другой стороны, после готского восстания 376—382 гг. происходит внутренняя перестройка дунайской пограничной армии: прежние крупные военные территории раздробились между отдельными кастелами⁴⁰. Источники первой половины V в. позволяют сделать вывод, что воины кастелов стремились сами себя обеспечить рабской силой (С. Th. V. 6, 2; X. 10, 25). Возможность существования таких островков военно-государственного землевладения в V—VI вв. хотя прямо и не засвидетельствована в источниках, но весьма вероятна. Так, детальное археологическое изучение позднеримской Паннонии позволило сделать вывод, что «историю лимеса и хронологию его отдельных укреплений нельзя завершать первым десятилетием V в. Поэтому в будущем необходимо переработать хронологию отдельных римских лагерей, укреплений и всего лимеса, а также пересмотреть роль лимеса в V в.»⁴¹.

Тенденция же к исчезновению приграничных лэтов и на Дунае особо сильна с гуннского периода. Так, к середине VI в. значительное число укреплений, даже из числа тех, которые прикрывали Константинополь, уже обезлюдели (*Agath.* V. 11—13).

И наконец, если даже допустить, что в отдельных случаях лимитаны действительно обрабатывали сами приграничные земли, особенно в VI в., хотя как мы видели, это источниками вообще не подтверждается⁴², то и тогда возможность существования их небольшими группами в приграничной полосе вряд ли была стабильной сколь-нибудь длительное время.

Следовательно, военно-государственное землевладение лимитанов не могло служить одним из элементов в процессе складывания феменных стратегических наделов и между ранневизантийскими пограничниками и акритами не было никакой преемственности. За внешне похожей правовой формой скрывались совершенно разные исторические реалии, соответствовавшие различным формационным эпохам в истории Византии.

* * *

В работе приняты следующие сокращения названий изданий источников: *Amm.* — *Ammiani Marcellini Rerum Gestarum* / Ed. W. Seyffart. Lipsiae, 1978. Vol. 1—2; *Anon.* De reb. bell. — *Anonymus de rebus bellicis*. Lipsiae, 1908; *Dio Cass.* — *Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana* / Ed. U. Boissevain. P., 1895—1931. Vol. 1—5; *Eutrop.* — *Eutropii Breviarium ab urbe condita* / Ed. C. Santini. Lipsiae, 1979; *Malal.* — *Ioannis Malalae Chronographia* // PG. P., 1860. T. 97; *Pan. Lat.* — *Panegyrici latini* // Ed. E. Baerens. Lipsiae, 1911; *Prisk. fr.* — *Priski fragmenta* // Müller K. *Fragmenta Historicorum Graecorum*. P., 1851. T. 4; *Procop. B. P.* — *Procopii Bella Persica* / Ed. G. Wirth. Lipsiae, 1961; *Procop. H. a.* — *Procopii Historia arcana* / Ed. G. Wirth. Lipsiae, 1963; *Soz.* — *Sozomeni Historia ecclesiastica* // PG. P., 1864. T. 67; *Zos.* — *Zosimi Historia Nova* / Ed. Mendellsohn. Lipsiae, 1887.

⁴⁰ Глушанин Е. П. Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 199—203.

⁴¹ Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376—476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982. С. 48.

⁴² Знаменитый пассаж SHA. Al. Sev. 58, 4 был отвергнут еще А. Альфельди. Мы совершенно солидарны с мнением А. Джонса, о том, что он представлял собой совет для правительства снизить расходы на оборону. См.: Jones A. H. M. Op. cit. P. 650. Если же, с другой стороны, встанет вопрос о том, на что же существовали лимитаны, которым за ряд лет задолжал Юстиниан, то наиболее вероятным его решением является кормление с частных промыслов. Недаром именно Юстиниан почитал актуальным для своих Дигест закон Эмилия Макра о запрещении воинам обрабатывать земли в тех провинциях, в которых они несут службу (Dig. 49, 16, 13). В Кодексе Феодосия подобных постановлений нет. И речь в этом законе явно идет о частных землях, поскольку гарнизоны и так являлись официальными держателями государственных территорий в пограничье.